

Т. Н. Гончарова

Гончарова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru; markicha@yandex.ru

ВОЕННЫЙ ИЛИ РАЖДАНСКИЙ? БОНАПАРТИСТ ИЛИ РОЯЛИСТ? ОТБОР КАДРОВ ДЛЯ ПОСОЛЬСТВА ФРАНЦИИ В РОССИИ (1814–1848)

На французских дипломатических представителей в Санкт-Петербурге возлагались особые упования в период между 1814 и 1848 годами. Режим Реставрации испытывал заинтересованность в российской поддержке в целях своего укрепления, тогда как Июльская монархия, вызывавшая негодование императора Николая I тем, что вела свое происхождение от революции, стремилась понизить по возможности градус отчуждения. В изучаемый период к посольству Франции в Санкт-Петербурге оказалось приписано около 50-ти дипломатов, семеро из них в качестве послов, остальные – первые, вторые и третьи секретари, а также атташе.

Автор статьи задается вопросом, какими соображениями руководствовались правящие круги Реставрации при отборе дипломатов, а также какие изменения претерпели требования, предъявляемые к кандидатурам при Июльской монархии. Немаловажную роль при назначении и продвижении по дипломатической службе играла протекция высокопоставленных лиц, хотя не стоит преувеличивать влияние «ветра фавора». Среди критериев, принимавшихся во внимание с разной степенью интенсивности в зависимости от периода, выделяются социальное происхождение, наличие воинского звания, пожелания российского императора.

Автор приходит к выводу, что не только государственные интересы, но и идеология режима Реставрации, а затем Июльской монархии неизбежно накладывали отпечаток на состав посольства в Санкт-Петербурге. При Реставрации предпочтение отдавалось выходцам из старинного дворянства, тогда как при Июльской монархии буржуазия стала получать высокие назначения. Прошлая служба наполеоновской

империи не воспринималась как препятствие к дипломатической карьере. Наличие военного звания (в случае послов), пусть даже чисто номинального, считавшееся выгодным для дипломатической службы, вследствие большей близости военного лица к императору при Реставрации, утратило интерес при Июльской монархии, когда оно не служило более для поддержания двусторонних отношений на высоком уровне взаимного доверия. Во всяком случае, последним послом Июльской монархии при российском дворе стал литератор. Опыт и компетентность кандидатур ценились особенно на второстепенных должностях, как и знание России, почерпнутое из печати или из жизненных обстоятельств.

Ключевые слова: французское посольство в России, Реставрация, Июльская монархия, дипломаты, критерии отбора.

T. Goncharova

Goncharova Tatiana Nikolaevna, PhD in History, Docent of the Departement of Modern and Contemporary history, Institute of History, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru; markicha@yandex.ru

MILITARY OR CIVILIAN? BONAPARTIST OR ROYALIST? SELECTION OF PERSONNEL FOR THE EMBASSY OF FRANCE IN RUSSIA (1814–1848)

Special hopes were placed on French diplomatic representatives in St-Petersburg between 1814 and 1848. The Restoration regime was interested in Russian support in order to strengthen itself, while the July monarchy, which had brought the indignation of emperor Nicholas I as it was born from a Revolution, sought to lower the degree of alienation if possible. During the studied period, about 50 diplomats were assigned to the French embassy in St. Petersburg, seven of them as ambassadors, the rest were first, second and third secretaries, as well as attachés.

This paper examines the motives which guided the governments in their selection of candidates in both periods, as well as what changes were made to the requirements for candidates under the July monarchy. An important role in the appointment and promotion of the diplomatic service was played by the patronage of dignitaries, although one should not exaggerate the influence of the "wind of favor". Among the criteria

taken into account with varying degrees of intensity depending on the period, the social origin, the possession of a military rank and the wishes of the Russian emperor are in the foreground.

The author comes to the conclusion that not only state interests, but also the ideology of the Restoration regime and then of the July monarchy inevitably left an imprint on the composition of the embassy in St-Petersburg. Under the Restoration, preference was given to the old nobility, whereas under the July monarchy the bourgeoisie began to receive high appointments. The past service to the Napoleonic Empire was not perceived as an obstacle to a diplomatic career. The possession of a military rank (in the case of the ambassadors), even a purely nominal one, considered profitable for the diplomatic service because of the greater proximity with the emperor under the Restoration, lost interest under the July monarchy, because it was now not enough to create a good relationship. In any case, the last ambassador of Louis-Philippe was a man of letters. The experience and competence of the candidates were valued especially in secondary positions, as well as knowledge of Russia, drawn from the press or life circumstances.

Keywords: French embassy in Russia, Restoration, July monarchy, diplomats, selection criteria.

Дипломатические кадры, как известно, являются проводниками внешней политики государства, которое они представляют, по отношению к той стране, где им выпало исполнять свою миссию. На французских дипломатических представителей в Санкт-Петербурге возлагались особые упования в период между 1814 и 1848 гг. Режим Реставрации испытывал заинтересованность в российской поддержке в целях своего укрепления, тогда как Июльская монархия, вызывавшая негодование императора Николая I тем, что вела свое происхождение от революции, стремилась понизить по возможности градус отчуждения. В изучаемый период к посольству Франции в Санкт-Петербурге оказалось приписано около 50-ти дипломатов, семеро из них в качестве послов (Ж. де Ноайль, О. де Ла Ферронэ, К. де Мортемар (дважды), Э. Мортье, Н. Ж. Мезон, П. де Барант), остальные — первый, второй и третий секретари, а также атташе. И поскольку дипломаты, согласно известному выражению, являлись рупорами политики своей страны, закономерен исследовательский интерес

к критериям, которыми руководствовалось правительство в Париже при наборе дипломатического корпуса для посольства в Санкт-Петербурге.

Как свидетельствует история международных отношений, качественный отбор кадров для заграничной миссии всегда был важен. С XVIII века, когда Российская империя громко заявила о себе на международной арене, в западноевропейских канцеляриях распространилось мнение о том, что для нее необходимо отбирать дипломатический персонал с особым тщанием. Русская дипломатия имела репутацию искусной, и надо было, следовательно, противопоставить ей агентов, способных разгадать ходы потенциального противника или ориентировать его в направлении, желательном для Франции.

Однако за собирательным типом французского дипломата эпохи Реставрации и Июльской монархии закрепился имидж человека, обязанного своим назначением исключительно покровительству высокопоставленных особ., *«У нас, – утверждал очеркист граф де Ла Ривальер Фрауендорф, – вовсе не умение, вовсе не опыт, а ветер фавора продвигает к миссиям; поэтому бывает, что иностранные дворы видят последовательное появление куртизан, офицеров, профессоров или буржуа, впряженных в дипломатическую колесницу, в зависимости от того, подул ли ветер на замок, армию, школы или город»*¹.

Насколько это свидетельство 1842 г., отражающее распространенное мнение эпохи, было оправданным в случае с французским дипломатическим корпусом в Санкт-Петербурге? Существовали ли отличия в критериях, практиковавшихся режимами Реставрации и Июльской монархии при наборе на дипломатическую службу в столице Российской империи? Учитывались ли личные пожелания агентов? Отвечал ли отбор кандидатов на службу в Санкт-Петербурге требованиям некоторой рациональности, принимая во внимание квалификацию агентов, их знание России и русского языка? Встречались ли среди французских послов известные исторические деятели? Эти вопросы позволят выяснить, во-первых, насколько режимы Реставрации и Июльской монархии радели о своем имидже при дворе российского императора, а во-вторых, насколько французские дипломатические представители были способны оправдать возлагавшиеся на них надежды и способствовать реализации русской политики своих кабинетов.

¹*La Rivallière Frauendorff (comte de). Le diplomate // Les Français peints par eux-mêmes. Encyclopédie morale du dix-neuvième siècle, publiée par Léon Curmer. Paris, 2004. P. 967.*

Критерии отбора в период Реставрации

Король Людовик XVIII, имея репутацию реалиста, не мог игнорировать те изменения, которые произошли в социальном устройстве Франции за 20 лет революционных пертурбаций, включая правление Наполеона. Он старался лавировать в поисках некоего компромисса между сторонниками Старого порядка и приверженцами новых идей. Разве присутствие маршала Бертье рядом с Людовиком XVIII при торжественном въезде этого последнего в Париж в мае 1814 г., не было символом единения старой и новой Франции?

«Сто дней» явились результатом некоторых просчетов в королевской политике. После победы союзников при Ватерлоо 18 июня 1815 г. Франция оказалась более разделена, чем в 1814 г., но Людовик XVIII продолжал лавировать между партиями. Умеренная политика продолжалась до 1820 г., когда убийство герцога Беррийского способствовало резкому ее поправению. Ультрароялисты заняли командные посты в королевстве, что стало еще более очевидным после восшествия на трон герцога д'Артуа под именем Карла X в 1824 г. Новый король не стремился к компромиссу, оставшись главой партии ультрароялистов даже после своей коронации.

У власти в эпоху Реставрации находились дворяне Старого порядка, бывшие эмигранты и те, кто пережил революционные бури и наполеоновское правление во Франции, а также прежние служители Наполеона, такие как Э.-Д. Паскье или Э. Деказ, которые не были слишком на виду при Первой империи. Можно предположить, что при наборе дипломатического персонала в эпоху Первой и Второй Реставрации учитывались те же социальные и идейные предпочтения, которые господствовали в тогдашней Франции. А как обстояло дело в реальности?

Принадлежность к старинному дворянству

Как правило, при наборе на дипломатическую службу в эпоху Реставрации учитывалось аристократическое происхождение кандидата. Согласно данным французского историка Анри Контамина, из 64 глав миссий, треть были *«чистыми роялистами, или давным-давно подвергшимися соответствующей идеологической обработке, они то и получили незамедлительно назначения»*. Шестая часть были *«новичками, которые не представляли собой ровным счетом ничего в 1814 г. и были возвышены после того, как Реставрация сделала их секретарями»*

в различное время». Правда, половина постов была поручена старым служащим Наполеоновской империи, но многие из них получили только второстепенные назначения. В категории «чистых роялистов» было только одно простонародное имя, среди остальных «с десяток происхождений были буржуазными»².

Подбор дипломатов в соответствии с аристократическим происхождением был вполне осознанным³. Он, впрочем, облегчался именно тем, что такая тенденция возобладала уже в конце наполеоновской эпохи⁴. Реставрация не знала при этом эквивалента аудиторам в Государственном совете, этого эмбриона школы администрации и дипломатии, созданного Наполеоном для того, чтобы готовить молодых людей благородного происхождения к занятию ответственных постов.

Эти общие рассуждения достаточно хорошо подтверждаются и на примере руководителей посольства, назначенных в Санкт-Петербург.

Граф Огюст де Ла Ферронэ имел репутацию «чистого роялиста». Родом из бретонского дворянства, он эмигрировал в начале революции и вернулся во Францию только в 1814 г.

Граф Жюст де Ноайль, обладатель громкого имени при Старом порядке, быстро примкнул к режиму Консулата, но без излишнего шума. Повздыхав немного по красавице Полине Бонапарт⁵, он женился на племяннице Ш.-М. де Талейрана, потом стал камергером Наполеона; в этом качестве он сопровождал императрицу Марию-Луизу в Дрезден и Прагу в 1812 г. В первые дни Реставрации Ноайль очутился в Компьени рядом с возвращавшимся в Париж Людовиком XVIII.

Герцог Казимир де Мортемар, еще одно громкое имя, избрал военную карьеру в эпоху Первой империи: адъютант Наполеона, барон империи в 1813 г., у него не было недостатка в твердости характера. По словам знаменитой мемуаристки Аделаиды де Буань, «при дворе Карла X он был

²Contamine H. *Diplomatie et diplomates sous la Restauration 1814–1830*. Paris, 1970. P. 184.

³Об этом свидетельствует рапорт, представленный королю в 1823 г.: *Meininger A. D'Hauterive et la formation des diplomates // Revue d'histoire diplomatique*. 1975. P. 40.

⁴Dufraisse R. et Kerautret M. *La France napoléonienne. Aspects extérieurs 1799–1815*. Paris, 1999. P. 161.

⁵По свидетельству Луи-Матье Моле, занимавшего должность министра иностранных дел при Июльской монархии (1836–1839). См.: *Molé M. Souvenirs d'un témoin de la Révolution et de l'Empire (1791–1803)*. Genève, 1943. P. 161.

настоящим фениксом»⁶. Графиня де Буань, родом из аристократического семейства д'Осмонов, хозяйка блестящего салона, в котором высшая аристократия заинтересованно обсуждала политические, дипломатические и литературные темы, конечно, знала это наверняка.

Зато не приходится сомневаться в том, что многолетняя служба в армии Наполеона послужила причиной отказа Огюсту де Мармону, герцогу Рагузскому, отмеченному маршалским жезлом после победы в Ваграмском сражении. В апреле 1830 г. маршалу Мармону, страстно желавшему получить посольскую должность в России, не помогли ни дворянское происхождение, ни хорошая репутация при дворе, ни ненависть бонапартистов. Последние не могли простить ему предательства, совершенного 5 апреля 1814 г., когда отступление его корпуса открыло союзникам дорогу на Фонтенбло⁷. Карл X предпочел поручить Мармону командование военным гарнизоном Парижа. Это назначение не оправдало себя, так как маршал не сумел отстоять столицу в уличных боях с восставшими 28–29 июля 1830 г., что навлекло на него подозрения в еще одном предательстве.

Среди 50 секретарей дипломатических представительств, занимавших должность в 1830 г., только семь или восемь были выходцами из простонародья⁸. Но многие из тех, кто получил назначение в Россию, служили прежде Наполеону. Граф Луи-Туссэн де Ла Муссэ начал свою дипломатическую карьеру в 1812 г. в качестве генерального консула в Данциге. Вероятно, своим местом первого секретаря в 1814 г. он был обязан участию в высадке эмигрантов на бретонском полуострове Киброн в 1795 г. Можно упомянуть также Поля де Бургуэна, бывшего офицера Молодой гвардии Наполеона, и Эрнеста де Габриака, который служил в императорской дипломатии. Оба имели, тем не менее, связи в роялистском дворянстве. При этом, отец Поля де Бургуэна, Жан Франсуа де Бургуэн, служил в дипломатии как Старому порядку, так и Первой империи, так же, впрочем, как и дядя еще одного секретаря посольства Жана-Пьера Гальц де Мальвирада, граф Матюрен де Лафоре. Сам Гальц де Мальвирад, назначенный в июле 1814 г. вторым секретарем посольства в Петербурге, начал свою карьеру в качестве аудитора в Государственном совете и субпрефекта Бордо.

⁶*Boigne comtesse de*. Mémoires de la comtesse de Boigne. Paris, 1971. Т. 2. P. 143.

⁷*Raguse, duc de*. Mémoires du maréchal Marmont, duc de Raguse, de 1792 à 1841. 9 vol. Paris, 1857. Vol. 8. P. 233–234.

⁸*Contamine H*. Diplomatie et diplomates... P. 184–185.

Кузены Ларошфуко Полидор и Ипполит, слишком юные при Первой империи, чтобы как-либо зарекомендовать себя, получили назначение третьими секретарями в Россию соответственно в 1824 и 1826 гг., главным образом, благодаря своему аристократическому имени.

Престиж мундира

Вместе с тем, в конкретном случае Санкт-Петербурга, столицы, жившей в ритме военных смотров, парадов и маневров, было невозможно представить себе посла Франции, совершенно чуждого военному делу. Наполеон, в свое время, хорошо осознал эту особенность русского двора, систематически доверяя дипломатические миссии в Россию только военным: М. Дюроку, Г. де Гедувилю, Кольберу, Р. Савари, А. де Коленкуру, Ж.-А.-Б. де Лористону.

Все главы посольства в эпоху Реставрации имели также военные звания. Жюст де Ноайль получил звание полковника накануне своего отъезда притом, что никогда не держал шпаги в руке. В его случае это звание было всего лишь почетным и полученным по королевскому распоряжению вследствие системы фаворитизма, восстановленной вместе с Бурбонами и подвергнутой резкой критике авторами военного закона 1817 г.⁹ Огюст де Ла Ферронэ служил в прошлом в армии Конде, после чего вернулся к гражданской жизни. Казимир де Мортемар состоял генералом в Великой армии Наполеона.

Послы, обладавшие военным званием, имели доступ к парадам, возглавляемым российским императором, и дополнительную возможность приблизиться к нему, как это вскоре обнаружил Жюст де Ноайль. Это преимущество и подвигло его принять решение носить военную форму, несмотря на угрызения совести, но с надеждой лучше исполнить свою роль дипломата¹⁰. Действительно, до этого он встречал Александра I чрезвычайно редко, в то время как возможность поговорить с государем являлась наилучшим способом продвинуть дела в Российской империи. На это было несколько причин. Во-первых, самодержец лично руководил внешней политикой; во-вторых, афишированная близость к царю могла только облегчить отношения с мелкими служащими; наконец, неформальный разговор с императором был зачастую лучшим источником

⁹См.: История XIX века: В 8 т. / Под ред. Лависса и Рамбо. Пер. с фр. под ред. профессора Е.В. Тарле. М., 1938. Т. 3. С. 105–107.

¹⁰Депеша Ноайля от 21 мая 1816, СПб. // Сборник Российского Исторического общества (далее — Сб. РИО). Т. 112. С. 515–517.

информации в такой стране, как Россия, где сдержанность подданных была чрезвычайной, и где подкуп служащих не рекомендовался. Однако, *«обычаи петербургского двора редко ставят дипломатический корпус в прямые отношения с Императором, – отмечал Ноайль, – если только его представители не носят также военного мундира»*¹¹. Вот каким образом посол пристрастился к парадом.

Как ни странно, тот же самый Жюст де Ноайль рекомендовал в 1817 г., чтобы его преемником назначили гражданское лицо, даже если потребуется надеть на него военный мундир. Действительно, настоящим военным мог быть только бывший наполеоновский или эмигрантский офицер. В первом случае, аргументировал Ноайль свою точку зрения, он наведет страх на общество, а во втором рискует навлечь на себя иронию или презрение¹². Остается фактом, что в 1818 г. правительство Дессоля-Деказа, намеревавшееся назначить в Россию одного из генералов Наполеоновской империи Н. Ж. Мезона или Э.-П.-С. Рикара, отказалось от этой затеи. Гораздо предпочтительнее оказался бывший эмигрант граф Огюст де Ла Ферронэ, на котором и остановился выбор министерства в 1819 г. для петербургского поста¹³.

Другой причиной, по которой на дипломатическую службу в Россию направляли военного, была постоянная забота о получении информации по вопросам, относящимся к боевому состоянию и духу российской армии, а иногда и желание наблюдать за реальными или учебными боевыми операциями. Так, Казимир де Мортемар получил назначение в марте 1828 г., в то время когда русско-турецкая война готова была вот-вот разразиться. В первую военную кампанию он сопровождал Николая I на балканский фронт и давал дельные советы в главном штабе, что способствовало установлению совершенно особых отношений с императором¹⁴. В последующие годы от них неизбежно осталось нечто, оказавшееся очень ценным в условиях неспокойного лета–осени 1830

¹¹Там же.

¹²Письмо Ноайля к Ришелье от 4 февраля 1817, СПб. // Там же. Т. 119. С. 29.

¹³Поццо ди Борго радовался назначению Ла Ферронэ: *«Поистине хорошо, что удалось избежать неудобств от назначения Рикара или кого-либо другого из этого круга. Если бы они относились к себе со справедливостью, они избегали бы дипломатических должностей за границей; они были там во времена, о которых должны забыть, и в особенности не напоминать о них...»*. Письмо Поццо ди Борго к Нессельроде от 29 июля/10 августа 1819, Париж. // Сб. РИО. Т. 127. С. 167.

¹⁴Депеша Мортемара от 2 июля 1828 из Карассу. АМАЕ. CP Russie. Vol. 174. F. 282.

г. во Франции. При наличии некоторого умения, военные маневры или морские парады позволяли послу вновь обрести прежнюю фамиллярность и затрагивать в разговоре с императором наиболее щекотливые темы. *«Император не откладывает трудные беседы, – писал К. де Мортемар. – Он в них блистает с большим достоинством и невероятной легкостью; но мне кажется тогда, что я вижу в нем ученика Александра, и я предпочитаю неизмеримо больше находиться перед лицом Николая, который оставляет пурпур, дабы поговорить с теми, кого он называет своими соратниками и с которыми обращается как с боевыми товарищами»*¹⁵.

В повседневной жизни, тем не менее, военные дела отслеживались более или менее компетентными секретарями. При Реставрации еще не было военных атташе, но в период посольства Ж. де Ноайля, ввиду скудости его рапортов, пришло осознание необходимости восполнить недостаток информации и для этого назначить знающего военное дело секретаря. Эта роль была исполнена виконтом де Понткарре, вторым секретарем в посольстве О. де Ла Ферронэ, затем П. де Бургуэном, дублировавшим К. де Мортемара по части военной компетенции, и проявившим себя особенно прилежным наблюдателем летних маневров в Красном селе. Военные учения подобного рода в продолжение четырех или пяти дней предоставляли много случаев почерпнуть информацию из самых высокопоставленных и достоверных источников¹⁶.

Императорские предпочтения

При Старом порядке, прежде чем назначить официального представителя французского короля в Санкт-Петербург или в другой город, было принято прислушиваться к пожеланиям государя страны назначения. При Наполеоновской империи главы дипломатических миссий обычно назначались без предварительной консультации с заинтересованными иностранными властями. Процедура согласия («агреман» на дипломатическом языке) соблюдалась Наполеоном только по отношению к царю, что само по себе говорило о многом.

В 1814 г. Александр I желал возвращения в Санкт-Петербург генерала Армана де Коленкура, которого хорошо знал и ценил. Через своего

¹⁵Конфиденциальная депеша Мортемара к Полиньяку от 9 августа/28 июля 1829, СПб. Archives du ministère des Affaires étrangères (Далее — АМАЕ). Correspondances politiques: Russie (Далее — СР Russie). Vol. 178. F. 62.

¹⁶Депеша Бургуэна от 30/18 июля 1830, СПб. АМАЕ. СР Russie. Vol. 180. F. 168–174.

дипломатического представителя в Париже Ш.-А. Поццо ди Борго император попытался оказать давление в пользу предпочитаемой им кандидатуры на едва воссевшего на троне своих предков Людовика XVIII¹⁷. Но король твердо этому воспротивился. Причиной тому была предполагаемая роль заинтересованного лица в деле казни герцога Энгиенского. Возможно также, что своим высокомерным отказом удовлетворить пожелание российского императора Людовик XVIII вознамерился продемонстрировать Европе свою независимость. Последовали получившие огласку назначения дипломатических представителей в Голландию, потом в Данию. Наконец, 21 июля Ш.-М. де Талейран объявил Ш.-А. Поццо ди Борго¹⁸ о назначении Жюста де Ноайля, чем вызвал некоторое огорчение посла, рассчитывавшего на более яркую личность, такую как маркиз Рене Юсташ д'Осмон, отец упоминавшейся выше мемуаристки графини де Буань. Надежды эти казались тем более оправданными, что однажды, в 1790 г., маркиз д'Осмон получил уже назначение послом в Санкт-Петербург вместо отбывшего графа Л.-Ф. де Сегюра, но отстранился от дипломатической службы после Вареннского эпизода с неудавшимся побегом Людовика XVI (июнь 1791 г.) и так и не прибыл в Россию.

«Граф де Ноайль тронется в путь через два дня, если верить тому, что мне сказал вчера дядя министр и покровитель. – Сообщал Поццо ди Борго в Петербург. – Я дал ему понять, что он поторопил это дело, но когда речь идет о семейном интересе и женских интригах, даже его разум и его бесчувственность не выдерживают. Д'Осмон, коего захотели

¹⁷22 июня 1814 г. К. В. Нессельроде, находясь в Лондоне, писал по этому поводу Шарлю-Андре Поццо ди Борго, который представлял царя в Париже: *«У герцога Веченцкого было два места службы, он теряет оба; было бы невозможно, не совершая явную несправедливость, отказать ему в компенсации. Император изъявил желание, чтобы он получил миссию в Петербурге. Ему, следовательно, было бы очень приятно, если бы он был назначен на этот пост или если бы, по меньшей мере, ему дали какое-либо чрезвычайное поручение в Россию, которое позволило бы ему продолжить свое пребывание рядом с Его Величеством. В интересах Короля было бы хватиться за эту идею, ибо ни один человек из тех, кто может быть избран, не будет обладать в той же мере доверием Императора. Он надеется, что Вы не пожалеете усилий, чтобы уладить это дело в соответствии с его пожеланиями»*. Сб. РИО. Т. 112. С. 23–24. 6 июля 1814 г. Поццо ди Борго вынужден был признаться в неудаче своих хлопот. Там же. С. 31.

¹⁸В русской традиции Карл Осипович Поццо ди Борго, уроженец Корсики, занимал пост российского посла при французском дворе с 1814 по 1834 гг.

вывести из игры, кончил тем, что из нее почти вышел. Талейран пустил в ход любезность и лицемерие, которыми он владеет в совершенстве, чтобы заставить его смириться: он подстроил так, что король вызвал его, была сцена умиления и наш добрый друг едет в Турин, в то время как Дальберг и Ноайль едут для начала в Вену и в Петербург; он (маркиз д'Осмон – Т.Г.) будет назначен пэром, ему прочат посольство в Англии, ему дают уже это звание»¹⁹.

В конечном счете, Жюст де Ноайль тронулся в путь лишь 15 августа, отстав на десять дней от первого секретаря своей дипломатической миссии Луи-Гуссэна графа де Ла Муссэ²⁰. Его назначение было, в общем, воспринято как плод фаворитизма. В России оно вызвало неподдельное удивление и окончательно скомпрометировало Талейрана в глазах императора Александра I, несмотря на усилия Поццо ди Борго найти ему кое-какое оправдание²¹.

Выбор второго посла в 1818 г. вызвал новые споры. Правительство Дессоля-Деказа, умеренно-либеральной ориентации, собиралось назначить генерала Наполеоновской империи, но пожелало сначала посоветоваться с Александром I через посредство Ш.-А. Поццо ди Борго. Ответ задержался, дело стало достоянием гласности... и либеральная пресса возмутилась *«из-за демарша, который принижает достоинство Франции перед иностранным монархом»*²². В цели чрезвычайной миссии Гюло д'Озри в Санкт-Петербург в мае–августе 1819 г. входило как раз прозондировать императора насчет его предпочтений в выборе представителя Франции²³. Именно тогда Александр I остановился на кандидатуре графа Огюста

¹⁹Письмо Поццо ди Борго к Нессельроде от 9/21 июля 1814, Париж. // Сб. РИО. Т. 112. С. 38–39. Маркиз д'Осмон, действительно, получил посольство в Лондоне немного позже.

²⁰См.: депеши Ноайля от 6 сентября 1814 и Поццо ди Борго от 28 июля/9 августа 1814. // Там же. С.72, 56.

²¹9 августа 1814 г. Поццо ди Борго написал Нессельроде: *«Вероятность свадьбы госпожи великой княжны с монсеньором герцогом Беррийским, возможно, была в числе причин, которые внушили месяце де Талейрану и его близким желание иметь своего представителя в Санкт-Петербурге при столь торжественном случае, и уверить нацию, что он много тому поспособствовал»*. Там же. С. 56.

²²*Viel-Castel L. de. Histoire de la Restauration. 20 t. Paris, 1865. Т. 8. Р. 73.*

²³*«Он скажет ему о генерале Рикаре, о графе де Ла Ферронэ, о маркизе Мезоне и о графе Рюли как о кандидатах, на которых может пасть выбор Короля, если Император не хочет высказаться определенно, он постарается,*

де Ла Ферронэ, который пришелся ему по душе в ходе предыдущих встреч. Его избранник был хорошо известен в Санкт-Петербурге, где он провел некоторое время и завязал в 1808 г. доверительные отношения с графом Густавом Морицем Армфельтом²⁴, шведом на русской службе после присоединения Финляндии к России, известным как один из советников Александра I. В 1813 г., прибыв с поручением Людовика XVIII в генеральный штаб русской армии, Ла Ферронэ был очень хорошо встречен Александром I, хотя этот последний и отказался оставить его при себе, извинившись перед «графом де Лилль», что время еще не пришло для представителей Бурбонов быть всюду на виду²⁵.

По мнению Этьена-Дени Паскье, авторитетного политического деятеля времен Реставрации и Июльской монархии, это назначение Ла Ферронэ было призвано, в какой-то мере, польстить императору, раздосадованному отставкой герцога де Ришелье и приходом к власти либерального кабинета Дессоля-Деказа²⁶. Похоже, впрочем, что Людовик XVIII заставил себя немного упрашивать, прежде чем дал свое согласие на желаемое российским императором назначение²⁷. К тому же и прибыл О. де Ла Ферронэ в Россию в 1819 г. не в статусе посла, а всего лишь посланника.

Компетентность

Бывало так, что вновь назначенный глава дипломатического представительства не имел опыта работы во внешнеполитической сфере, как это произошло в случае с послом Жюстом де Ноайлем. Но это отсутствие компетентности в дипломатических делах не было абсолютно

по крайней мере, угадать, кому тот отдает свое предпочтение». Инструкция Дессоля для Гюло д'Озри от 1 мая 1819, Париж. AMAE. CP Russie. Vol. 159. F. 108.

²⁴В русской традиции Густав Маврикий Максимович Армфельт.

²⁵На самом деле, эта миссия Ла Ферронэ закончилась полной неудачей. Речь шла о том, чтобы добиться признания союзниками прав Людовика XVIII на престол, образования французского корпуса из пленных солдат, свадьбы герцога Беррийского с великой княжной Анной при условии принятия ею католической веры. См.: *Daudet E. Histoire de l'émigration pendant la révolution française*. 3 t. Paris, 1907. Т. 3. P. 514.

²⁶*Pasquier. Mémoires du chancelier Pasquier*. 6 t. / Publiés par le duc d'Audiffret-Pasquier. 2e partie: Restauration (1814–1830). Т.4–6. Paris, 1893-1895. Т. 4. P. 483.

²⁷*Viel-Castel L. de. Histoire de la Restauration...* Т. 8. P. 76. Причиной тому была, по-видимому, обида, которую двор затаил на Ла Ферронэ из-за проявленной им гордой независимости, после того как он расстался со своим давним другом и покровителем герцогом Беррийским вследствие возникшей между ними ссоры.

безнадежным. «У нас будет послом совершенный новичок в этом деле, – отмечал Ш.-А. Поццо ди Борго в письме к министру иностранных дел. – Но поскольку необходимо было иметь посла, тем лучше, что это человек его склада. Сделайте так, чтобы он был принят с обычными знаками внимания; в этом случае, нужно судить о людях не по тому, чего они стоят, но по тому, что они представляют»²⁸. Для Казимира де Мортемара, профессионального военного, продолжавшего и при Реставрации службу в армии в звании бригадного генерала, назначение послом в Россию в 1828 г. стало первым и последним опытом дипломатической службы.

Во всяком случае, для ежедневной дипломатической службы можно было рассчитывать на секретарей посольства, предварительно введенных в курс дела опытом работы в качестве атташе в министерских кабинетах. Там они приобретали сноровку в анализе дипломатических депеш, прибывавших из разных стран мира, подготавливая краткий их пересказ для министра. Задача была из разряда деликатных, требовала усердия и позволяла обучаться прямо на ворохе бумаг. Эта длительная стажировка не оплачивалась, что содействовало социальному отбору. Некоторые из секретарей получили назначение в Санкт-Петербург сразу после такой «стажировки». Можно привести пример молодого маркиза д'Эйрага, определенного в 1826 г. третьим секретарем в России после трех лет, проведенных в бюро министерства иностранных дел²⁹. В Санкт-Петербурге незначительная должность третьего секретаря требовала от своего обладателя много прилежания и терпения, так как в его функции входило бесконечное переписывание депеш.

Дипломатическая школа, основанная Кайаром в эпоху Консулата, продолжала существовать при Реставрации под руководством Александра Мориса Блан де Ланотт графа д'Отрива³⁰. После экзамена на общую

²⁸Письмо Поццо ди Борго к Нессельроде от 13/25 июля 1814, Париж // Сб. РИО. Т. 112. С. 53–54.

²⁹Е. де Менаваль в предисловии к мемуарам маркиза д'Эйрага. См.: *Eyragues (marquis d'). Mémoires...* P. 3–34.

³⁰«Школа д'Отрива» была отдаленной наследницей политической Академии, созданной Кольбером де Торси (Colbert de Torcy) в самом начале XVIII века, и упраздненной в 1720 г., так же как и дипломатической академии в Страсбурге с международным профилем, исчезнувшей в 1791 г. См.: *Bechu C. Les ambassadeurs français au XVIIIe siècle: formation et carrière // L'invention de la diplomatie. Recueil d'articles sous la direction de L. Bely. Paris, 1998. P. 331–346; Voss J. L'école diplomatique de Strasbourg et son rôle dans l'Europe des lumières // L'invention de la diplomatie... P. 363–372.*

культуру, ученики проводили изыскания в архивах. Обучение в архивах проходило под руководством графа д'Отрива, написавшего с этой целью несколько учебников³¹. Закончив обучение, выпускники школы могли получить назначение секретарями дипломатического представительства, если повезет, но у них не было никакого преимущества перед атташе, не прошедшими этого курса обучения. Лишь один секретарь посольства в Санкт-Петербурге прошел через дипломатическую школу д'Отрива – Гектор де Беарн.

Многие начинали как внештатные сотрудники. А поскольку эти последние не получали жалованья, они должны были представить доказательство минимального дохода в 6 000 франков. Среди 150 атташе без жалованья, которые были назначены на дипломатический пост при Реставрации, А. Контамин насчитал *«25 агентов служивших Империи, из которых более половины принадлежали к «бывшим»; и 125 новых. Среди этих последних встречается одна десятая имен без дворянского звучания и одна десятая имен, которые примыкают ко второму поколению недавнего благородного сословия, дворянская приставка большей части этих имен указывает на более или менее обоснованные претензии»*³². Внештатные атташе обучались прямо на месте, копируя дипломатические донесения. В 1825 г. министр М. де Дама ввел для атташе, уже состоявших на службе, нечто вроде конкурса на рефераты, из которых четыре самых лучших рекомендовались вниманию короля.

Граф Гектор де Беарн, выпускник Политехнической школы и в прошлом офицер, после двух неоплачиваемых лет, проведенных в министерстве, в 1828 г. получил назначение внештатным сотрудником посольства в Санкт-Петербурге. Племянник К. де Мортемара, он получил назначение в 1831 г. третьим секретарем. Это произошло как раз в то время, когда его дядя и покровитель во второй раз возглавил посольство в России³³. Виконт Анри де Ботерель, после стажировки в министерском архиве, получил назначение третьим секретарем в Санкт-Петербург в 1817 г., так и не побывав в должности атташе посольства³⁴. Менее удачливый, Теодор

³¹АМАЕ. Série: Acquisitions extraordinaires. Vol. 171: Alexandre Maurice d'Hauterive. Conseils à un élève des Relations extérieures (1811). F. 1–125. Conseils à des surnuméraires (1827). F. 126–203. Quelques conseils à un jeune voyageur (1826). F. 204–279.

³²Contamine H. Diplomatie et diplomates... P. 185.

³³АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Hector de Béarn № 276.

³⁴Ibid. Dossier Botherel № 535.

де Лагрене, адвокат по образованию, был приписан к петербургскому посольству в марте 1823 г. и остался атташе три года, исполнив перед тем обязанности атташе в кабинете министра иностранных дел Матье де Монморанси. Записка, хранящаяся в его деле, подчеркивает основное: *«Месье Теодор де Лагрене, 25 лет, дворянин из Фландрии, располагает тридцатью шестью тысячами ливров ренты, а также блестящим умом и образованием. Он адвокат-стажер, наконец, его религиозные и политические взгляды не оставляют желать ничего лучшего»*³⁵.

Наряду с такой системой набора персонала, которая предполагала предварительную подготовку кандидатов, существовали и некоторые другие, закулисные методы. Поль де Бургуэн, секретарь посольства в России в 1828–1831 гг., вспоминал о *«плохом методе»*, который существовал на протяжении всего периода Реставрации, и предоставлял выбор атташе или даже секретарей свободному волеизъявлению министра иностранных дел, его рабочих кабинетов и послов, без всякой необходимости для кандидата сдавать какой-либо экзамен. *«Можно было, особенно в этот период полной и основательной реорганизации, получить с первого раза очень важные места. Достаточно было представления главой миссии, чтобы стать сотрудником посольства, учеником, кандидатом на дипломатическую должность или, в конце концов, свободным либо оплачиваемым атташе; последние звания, особенно второе, составленное из двух причастий прошедшего времени (attaché paré), достаточно плохо подобранных и прикрепленных один к другому, показались такими странными, что очень редко фигурировали на визитной карточке»*³⁶.

Сам Поль де Бургуэн представляет собой, однако, совсем другой тип дипломата. Бывший офицер императорской гвардии, и известный как бонапартист, он был назначен в Берлин за свои интеллектуальные способности и знание языков по представлению посла с либеральными взглядами, маркиза Франсуа де Боннэ, и зарекомендовал себя там самым положительным образом. Переведенный в Санкт-Петербург, он смог проявить в полной мере свое дипломатическое искусство в кризисной для франко-русских отношений ситуации августа 1830 г.

Некоторые секретари, так же как и Поль де Бургуэн, имели опыт дипломатической службы в других европейских столицах, прежде чем получили назначение в Санкт-Петербург. Так, Эрнест де Габриак, пройдя

³⁵Ibid. Dossier Lagrené № 2374.

³⁶Bourgoing P. de. Souvenirs d'histoire contemporaine. Episodes militaires et politiques. Paris, 1864. P. 399.

стажировку в министерском архиве в эпоху Первой империи, много лет прослужил секретарем в Неаполе и Турине, прежде чем получил назначение первым секретарем в Санкт-Петербург в 1819 г.³⁷ Эдмон де Буалекомт, который начал свою карьеру в 19 лет под руководством герцога А.-Э. де Ришелье, провел три года в Вене, прежде чем был назначен вторым секретарем в Россию в том же году, что и Э. де Габриак³⁸. Габриэль де Фонтенэ, прибывший в город на Неве в 1823 г. как первый секретарь посольства, имел опыт управления делами французского представительства во Флоренции, а также в Неаполе в кризисный период 1821 г. – эпоху неаполитанской революции³⁹.

Сведения о России

По всей видимости, от назначенных в Россию дипломатов не требовались особенно глубокие страноведческие знания. До своего отъезда они в срочном порядке получали первоначальные сведения из чтения министерской переписки, что же касается остального (истории, культуры, традиций, обычаев), их познания зависели от степени любопытства и любознательности каждого из них. Среди глав посольства эпохи Реставрации один Огюст де Ла Ферронэ имел опыт жизни в Российской империи до того, как прибыл туда в качестве посла. Казимир де Мортемар лишь мельком обозрел страну, пронесшись через нее галопом во время несчастной для императорских орлов Русской кампании 1812 г.

Редки были французские дипломаты, владевшие русским языком. Большинство из них относились к нему презрительно, тем более что высшее общество в Российской империи разговаривало на французском языке. По свидетельству одного очевидца, вечера Екатерины Карамзиной, супруги знаменитого писателя, были единственными, где разговаривали по-русски в Петербурге к 1830 г.⁴⁰ Существовала даже легенда, несправедливо обвинявшая графа К. В. Нессельроде, немца по происхождению, в том, что он, руководя российской дипломатией на протяжении почти 40 лет, так и не изучил русского языка.

³⁷АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Gabriac № 1718.

³⁸*Boislecomte (vicomte de)*. Un diplomate sous la Monarchie de Juillet, extrait du «Correspondant». Paris, 1901. P. 3.

³⁹На этом посту он имел в своем подчинении поэта Альфонса Ламартина. АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Fontenay (vicomte Gabriel de) № 129.

⁴⁰*Кошелев А. И.* Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883). М., 2002. С. 26.

В любом случае, замечал Огюст де Ла Ферронэ в одной из своих депеш, «*бытующее мнение о России обычно ложное; необходимо в ней жить, чтобы убедиться, что только посредством длительного изучения, и, предполагая еще наличие всех возможных средств для хорошей информированности, можно научиться ее понимать*»⁴¹. Вся информация о Российской империи, которую дипломаты могли почерпнуть из книг или французских периодических изданий, требовала, таким образом, критического и скептического к себе отношения. И официальные представители короля, казалось, как никто другой могли позволить себе эти сомнения.

Критерии отбора в период Июльской монархии

При Реставрации дворянство являлось социальным классом, чьи интересы более всего принимались во внимание. С победой Июльской революции 1830 г. во Франции установилось господство буржуазии, и восторжествовала либеральная идеология орлеанизма. Буржуазия, сконцентрировавшая в своих руках власть, была очень неоднородна: промышленная и банковская, одним словом, денежная буржуазия, представленная К. Перье и Ж. Лаффитом, университетская буржуазия, представленная Ф. Гизо, правоведческая буржуазия, представленная как А. Тьером, мелким адвокатом, так и Л.-М. Моле, выходцем из семейства высокопоставленных магистратов Старого порядка. В целом, лица, воплощавшие в себе власть при Июльской монархии, принадлежали к более низкому уровню в социальной иерархии, нежели при Реставрации.

Идеология же орлеанизма означала примирение новой и старой Франции, буржуазных свобод и монархического принципа⁴². Доктринеры, пребывавшие в оппозиции в период Реставрации, такие как Ф. Гизо, Л.-В. де Бройль, получили возможность проводить в жизнь свои принципы. Ультрароялисты потеряли всякое влияние. К власти пришли либералы, неоднородные в своей массе, умеренные и радикальные, но приверженцы либеральной идеологии. Луи-Филипп Орлеанский, потворствовавший либералам, был королем, несомненно, более открытым веяниям времени, нежели его предшественник на троне из старшей ветви Бурбонов.

⁴¹Депеша Ла Ферронэ от 10 апреля/30 марта 1820, СПб. АМАЕ. СР Russie. Vol. 160. F. 165.

⁴²*Rosanvallon P.* Le moment Guizot. Paris, 1985. P. 211.

Произошли ли какие-либо изменения в критериях набора на дипломатическую службу в Россию при новом режиме? Вопрос закономерный, тем более что из опекуна, а потом союзника, каковыми Российская империя позиционировала себя при режиме Реставрации, она превратилась в идеологического противника в 1830-е и 1840-е годы.

Изменение в преемственности

17 сентября 1830 г. Поль де Бургуэн, поверенный в делах на время отсутствия посла герцога К. де Мортемара, адресовал Луи-Матье Моле, министру иностранных дел нового режима, текст присяги, которую должны были принести все государственные служащие. На этом документе была проставлена его подпись, а также подписи Теодора де Лагрене, второго секретаря, и шевалье Жана-Пьера-Эдуара Гальц де Мальвирада, генерального консула⁴³. Таким образом, все дипломатические агенты, находившиеся в Санкт-Петербурге на момент Июльской революции, примкнули к монархии Луи-Филиппа Орлеанского. Этот пример подтверждает вывод историка Анри Контамина: 1830-й год был для дипломатического персонала отклонением от прежней политической линии, но не разрывом с ней и не повлек за собой никакой чистки⁴⁴.

В декабре 1830 г. герцог Казимир де Мортемар, который был последним представителем Карла X при российском дворе, стал первым послом Луи-Филиппа. Это назначение вызвало пересуды в Париже в легитимистских кругах, где обычно делали выбор в пользу внутренней эмиграции. Мортемара заподозрили в секретных симпатиях к Орлеанской династии, даже в слабости. Но сам он определил свою миссию как *чрезвычайную* и заявил, что согласился пожертвовать своим мнением только для того, чтобы оказать услугу отечеству в сложных условиях становления нового режима⁴⁵.

⁴³Депеша Бургуэна от 17/5 сентября 1830, СПб. АМАЕ. CP Russie. Vol. 181. F. 43.

⁴⁴Необходимо проводить различие между главами дипломатических представительств и секретарями. Из 28 послов и посланников, только 16 примкнули к новому режиму – что составляет все-таки большинство; из 50 секретарей более 40 приняли трехцветную кокарду. *Contamine H. Diplomatie et diplomates...* P. 184–185.

⁴⁵Зато в 1832 г. он отказался поставить свою подпись под свадебным контрактом Луизы Орлеанской с бельгийским королем Леопольдом I. На этот раз он не мог пожертвовать своим мнением, согласно сделанному им заявлению, ради такого незначительного повода. Мнение это заключалось в неприятии

Ш.-А. Поццо ди Борго писал в донесении от 1/13 января 1831 г. о надеждах, которые в Пале-Рояле возлагали на успешный исход миссии императорского любимца, который, как полагали, сможет примирить Николая I с Июльским режимом. Луи Филипп «хотел доказать Его Императорскому Величеству свое желание установить не просто дружеские, но интимные отношения между двумя странами...»⁴⁶. Действительно, хорошие личные отношения герцога с императором Николаем I несколько сгладили остроту негодования российского самодержца по поводу нового французского режима, ведшего свое происхождение от баррикад. Однако Николай I был, по-прежнему, убежден в незаконности Орлеанской династии на троне, что нашло выражение в несоблюдении им процедурных формальностей, принятых между монархами. Второе посольство К. де Мортемара длилось, впрочем, только восемь месяцев, до августа 1831 г.

Использование персонала Реставрации, тем не менее, имело не только положительные стороны, как отмечал Поль де Бургуэн, которому выпало на долю исполнять в 1830–1831 гг. обязанности поверенного в делах, а затем, после отъезда Мортемара, и посланника в Санкт-Петербурге. Правительство Июльской монархии столкнулось с дилеммой: или назначить везде людей новых, но неопытных, или сохранить прежних агентов, не имея при этом стопроцентной уверенности в их преданности в случае затруднительного положения. Сам Бургуэн, вынужденный единолично вести дела посольства в России в самые трудные месяцы становления нового режима во Франции, был лично неизвестен королю Луи-Филиппу и всем членам его правительства. Он выразил мнение в своих воспоминаниях, что *«эта организация неизбежно временная и несовершенная для столь важной службы»* чуть не скомпрометировала европейский мир, поскольку правительство Казимира Перье, получая от агентов двух типов диаметрально противоположную информацию, постоянно вопрошало себя о реальных намерениях иностранных держав. Оно видело Францию то накануне Пильница⁴⁷ и новой коалиции, то

бельгийской революции августа–сентября 1830 г., благодаря которой Бельгия вышла из состава Нидерландского королевства и получила независимость, поправ, таким образом, постановления Венского конгресса. См.: *Apponyi R. Vingt-cinq ans à Paris (1826–1850)*. 4 t. Paris, 1913. Т. 1. P. 252–254.

⁴⁶Цит. по: *Таньшина Н.П.* Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М., 2005. С. 153.

⁴⁷Пильницкая декларация 26 августа 1791 г. по названию саксонского замка Пильниц стала основой австро-прусского союзного договора (февраль 1792 г.) и

успокаивалось, сводя к минимуму воинственный пыл консервативных держав. И постоянно стояло перед дилеммой: проявить инициативу, чтобы опередить вероятную атаку, или ожидать, пока страсти улягутся?⁴⁸

Среди секретарей посольства в Санкт-Петербурге также заметно определенное постоянство. Второй секретарь посольства Теодор де Лагрене, а также атташе Гектор де Беарн служили в России, как режиму Реставрации, так и режиму Июльской монархии. Причем, начав в эпоху Реставрации с низших должностей в дипломатической иерархии, им довелось в 1830-е годы исполнять более ответственные обязанности. Так, Т. де Лагрене стал первым секретарем посольства в 1832 г., а Г. де Беарн в 1831 г. получил назначение третьим секретарем, а спустя год вторым секретарем в Санкт-Петербурге.

Носить благородное имя

Во времена буржуазной монархии принадлежность к старинному дворянству хотя и не стала отпугивать, но, без сомнения, играла меньшую роль. Впрочем, многие легитимисты отказывались приносить присягу для служения «королю-узурпатору». Для поддержания своего престижа при иностранных дворах Луи-Филипп мог, тем не менее, рассчитывать на другое дворянство, имперское, славу которого, как известно, он мобилизовал на службу своему режиму.

После переходного периода, когда посольские функции исполнял Казимир де Мортемар, первым послом Луи-Филиппа в России стал наполеоновский маршал Эдуар Мортье, герцог Тревизский. Прибыв к месту службы в середине апреля 1832 г., он остался в Санкт-Петербурге недолго, отбыв в октябре того же года⁴⁹. Назначение Э. Мортье, сына состоятельного торговца полотном, завоевавшего славу и титул на полях сражений с антинаполеоновскими коалициями во главе пехотных корпусов, вписывалось в русло общей тенденции Июльского режима. Возвращение

последующих коалиций европейских монархов против Французской революции.

⁴⁸*Bourgoing P. de. Souvenirs...* P. 545–546.

⁴⁹Отметим, что Луи-Филипп назначил маршала Мортье на должность первого посла Июльской монархии в Санкт-Петербурге еще в приказе от 5 ноября 1830 г. Тем не менее, поразмыслив, французские власти сочли уместным заменить это «дитя революции» герцогом де Мортемаром, более способным внушить доверие непреклонному царю. См.: *Moreel L. Le maréchal Mortier, duc de Trévise (1768–1835). Paris, 1957. P. 170.*

останков Наполеона во Францию (12 мая 1840) и восстановление статуи Наполеона на Вандомской колонне служат тому подтверждением.

Другой блестящий военный пришел на смену маршалу Мортье – маршал Николя Жозеф Мезон, примиривший в своем лице Первую империю и Реставрацию, так как был обязан своим маршалским жезлом Карлу X за победоносную экспедицию в Морею против Ибрагим-паши (1828–1829). Сын крестьянина, Н. Ж. Мезон, так же как и его предшественник, был обязан славой и титулом своей самоотверженной службе революции и Первой империи в пехоте. Имея ко времени отречения Наполеона, звание дивизионного генерала за переход через Березину и титулы барона (1808), а впоследствии и графа (1813), он, как было упомянуто выше, продолжил военную карьеру при Реставрации. Кроме маршалского звания, Н. Ж. Мезон был обязан Бурбонам титулом маркиза и достоинством пэра Франции (1817).

Что же касается третьего и последнего посла Июльской монархии в Российской империи, барона Проспера де Баранта, он также был знаменит, но обязан своей репутацией не столько службе Первой империи в качестве префекта, сколько своим историческим и литературным работам, которые к середине 1830-х годов привели его во французскую Академию.

На более низком уровне упомянутый выше поверенный в делах Поль де Бургуэн в 1830 г. приобрел уже достаточную репутацию и своей рассудительностью и своим военным братством с императором Николаем I, приобретенным во время русско-турецкой кампании 1828 г. Но многие атташе и секретари, назначенные впоследствии, определенно были обязаны своей должностью имени, которое носили, как это было в случае с сыновьями Огюста де Ла Ферронэ, Проспера де Баранта и Казимира Перье.

Пожелания императора

В августе 1832 г., в то время как имя Шарля де Флао, внебрачного сына Ш.-М. де Талейрана, было у всех на устах в качестве возможного преемника посла Эдуара Мортье, К. В. Нессельроде объявил маршалу, что *«этот выбор не будет здесь воспринят с удовольствием; что он получил официальное распоряжение поставить меня в известность об этом, и что он просит меня сообщить об этом в Париж. Он добавил, что это неприятие не имеет, впрочем, никакого отношения ни к достойному характеру, ни к личным качествам месье графа де Флао, которым здесь*

отдают должное. Но что оно имеет причиной только линию поведения, которой тот следовал в Берлине относительно польского вопроса»⁵⁰.

Решили, что кандидатура маршала Николая Жозефа Мезона лучше подойдет Николаю I, поскольку лавры, которыми он покрыл себя в Греции в 1828 г., напоминали об идиллическом периоде в русско-французских отношениях. Это был к тому же истый военный, из тех, что нравились императору. Во всяком случае, назначение Н. Ж. Мезона, ставшее известным в первые январские дни 1833 г., не вызвало комментариев в Санкт-Петербурге, поэтому все были очень удивлены, когда прочли в очередном номере «Journal des débats», что российский кабинет имеет кое-какие возражения по этому поводу. Инцидент оказался, впрочем, быстро исчерпан⁵¹.

К тому же, нехватка дипломатического опыта у маршала внушала скорее доверие его собеседникам, и он сам охотно хвалился этим в России. Так, к примеру, он заявил К. В. Нессельроде в день своего представления: *«Я был военным задолго до того, как стал дипломатом; я еще недостаточно постиг искусство дипломатии, и чем меньше нам придется к нему прибегать, тем больше я буду доволен. К тому же мы живем в эпоху, когда дипломатия, по меньшей мере, прежняя, мне кажется почти бесполезной»*. По-видимому, российский министр от души посмеялся вместе с ним над дипломатическим искусством, подумав про себя, что военная прямота нового посла во многом облегчит ему работу с ним⁵².

Приходилось, однако, следить за тем, чтобы не задеть самолюбие российского двора, даже в мелочах, как об этом напомнил в 1837 г. публицист Франсуа-Адольф Лев-Веймар. Император Николай I был иногда чувствителен к мелким уколам самолюбия, и было важно *«отбирать с прозорливостью "претендентов", которых правительство отправит в Санкт-Петербург, даже на второстепенные должности в дипломатии»*⁵³.

⁵⁰Депеша Мортье от 18/6 августа 1832 г., доставленная в Париж бароном д'Андре. АМАЕ. Mémoires et documents: Russie (Далее — MD Russie). Vol. 36. F. 253. Шарль де Флао, полномочный министр в Берлине в 1831 г., проявил сочувствие к полякам. Он стал адъютантом герцога Орлеанского в 1832 и послом в Вене в 1841 г.

⁵¹Депеша Лагрена от 23 февраля 1833, СПб. АМАЕ. CP Russie. Vol. 186. F. 100.

⁵²Депеша Мезона от 3 января 1834, СПб. АМАЕ. CP Russie. Vol. 188. F. 11.

⁵³Loève-Veimars F.-A.. Des rapports de la France avec les grands et les petits Etats de l'Europe. I. – De la Russie // Revue des Deux Mondes. 4e série. 1837. T. XI. P. 236.

С этой точки зрения в Париже не сомневались, что нашли в Проспере де Баранте идеального кандидата. «В сентябре 1835 г., – рассказывал Ф. Гизо, – герцог де Бройль должен был произвести большую перемену во французском дипломатическом корпусе. Личное знакомство с месье де Барантом, и испытание, которое выдержали в Турине его беспристрастная прозорливость и спокойное достоинство, сделали очевидным для герцога, что никто не может подойти лучше, чем он, для посольства в Санкт-Петербурге»⁵⁴.

Тем не менее, выбор Проспера де Баранта в качестве нового руководителя посольства в Санкт-Петербурге не сразу стал очевиден.

Военное или гражданское лицо?

За всю его жизнь Просперу де Баранту пришлось носить только мундир префекта, хотя он и состоял в национальной гвардии. Но назначению Баранта, первого в полной мере гражданского лица в качестве посла в российской столице, предшествовали мучительные раздумья властей о целесообразности этой меры. В 1835 г. в министерских бюро обсуждался обстоятельный доклад, автор которого полагал, что назначение невоенного несет с собой скорее выгоды, вопреки видимости⁵⁵. Доклад не имел подписи. Современная исследовательница В. А. Мильчина высказывает очень аргументированное предположение, что авторство этого документа принадлежало первому секретарю посольства Теодору де Лагрене⁵⁶.

Автор доклада следующим образом обосновывал свое мнение. Без всякого сомнения, военному было проще встретить императора в непринужденной обстановке, вне скучной торжественности аудиенций, вести беседы с его окружением, и, конечно, сподручнее судить о военных вопросах, мундирах и вооружении. Однако невыгоды положения военного лица явно брали верх в кризисные периоды. Видеть императора

⁵⁴Guizot F. M. de Barante. A memoir, biographical and autobiographical. L., 1867. P. 132.

Туринский двор, наряду с Петербургским двором, встретил с враждебностью режим Июльской монархии.

⁵⁵Quelques inconvénients attachés au choix d'un militaire pour remplir le poste d'ambassadeur à Saint-Petersbourg. (Некоторые недостатки, связанные с выбором военного на пост посла в Санкт-Петербурге), донесение анонимного автора, датированное 14 июля 1835, Париж. АМАЕ. MD Russie. Vol. 43. F. 92-100.

⁵⁶Мильчина В. А. Посол Франции при дворе Николая I: военный или штатский? // Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. Сб. статей. СПб., 2004. С. 178–179.

ежедневно становилось тогда испытанием для обеих сторон, тем более что Николай I не всегда сдерживал себя. *«Человек может подстроить свои слова и выражение лица для преходящих обстоятельств, но не изо дня в день; посол подвержен проявлениям императорского настроения каждое утро: это постоянная смена едких фраз и комплиментов, подчеркнутого недовольства и невнимания, мало совместимых со значительностью роли посла. Я видел, как Император, прибыв на эти смотры после прочтения иностранных газет, не мог удержаться от публичного выражения своего недовольства словами, мало приемлемыми для многих из присутствующих послов»*⁵⁷.

Вообще же, не опасно ли было, зная русский характер и присущую ему фамильярность, завязывать близкие отношения? Повседневное присутствие на парадах предполагало известную раскованность в отношениях, в то время как следовало сохранять дистанцию. *«Из-за этого характера русской нации посол, который занимает место в свите Императора, примешивается к процессии его генералов, пускает лошадь рысью, в галоп, идет в ногу с ними, толкая их и подталкиваемый ими, получая удары локтем и отвечая тем же, этот посол не преминет подметить, что он для них не более, чем равный, и что даже равным он не останется надолго для них. В этой ситуации я видел как послы⁵⁸, которые сначала были высокого мнения о выгодах ежедневного присутствия на смотрах, искали тысячи предлогов, чтобы оправдать свое отсутствие и кончали тем, что были вынуждены полностью отречься от своего военного звания»*⁵⁹.

Что же касается сведений о военных предметах, состоянии русской армии и новых видах оружия, их можно было получить из провинции, посредством рапортов и анкет консульских агентов, принимая во внимание, что вооруженные силы не ограничивались пределами столицы и были рассредоточены по всей территории империи. К тому же гражданский посол останется, прежде всего, дипломатом – отстраненным лицом, в то время как военный будет восприниматься русскими генералами как собрат со всеми недостатками, вытекающими из подобной двусмысленности.

⁵⁷Некоторые недостатки, связанные с выбором военного на пост посла в Санкт-Петербурге, 14 июля 1835, Париж. AMAE. MD Russie. Vol. 43. F. 93.

⁵⁸Напротив этой фразы на полях читаем запись: *«среди прочих месье де Ла Ферронэ»*. Ibidem.

⁵⁹Некоторые недостатки... AMAE. MD Russie. Vol. 43. F. 96.

Наконец, записка напоминала и некоторые неудобства, связанные с военным прошлым посла, а именно, что генерал или маршал может не обладать знанием дипломатических дел и вопросов, и что он не всегда способен дать отпор профессионалам. Его привычка прямо выражать свои мысли не всегда подходит к искусству переговоров и в некоторых случаях может нанести вред. Военный человек рискует также на своей собственной службе столкнуться с секретарями более компетентными в международных вопросах, чем он сам, со всеми вытекающими отсюда возможными разногласиями, не забывая про борьбу самолюбий между его окружением, состоящим из адъютантов и лейтенантов, и штатскими сотрудниками миссии.

Аргументация в пользу гражданского лица прозвучала, по-видимому, убедительно, поскольку П. де Барант пришел на смену маршалам Э. Мортье и Н. Ж. Мезону. Эти последние сочли иногда бесполезным, иной раз даже стеснительным свое обязательное присутствие на смотрах, которое давало императору возможность публично выказать свою холодность к представителю Франции⁶⁰. П. де Барант, со своей стороны, был очень рад возможности уклониться от присутствия на маневрах в Красном селе. Вот что он писал 1 августа 1836 г.: *«Я мог бы надеть форму национальной гвардии, как лорд Дюрхам⁶¹ мундир народного ополчения; но, кроме того, что я никогда не считал хорошим вкусом строить из себя военного, когда таковым не являюсь, мне показалось, что, сменив здесь маршала Франции, я имел бы в подобной ситуации позицию, слишком отличную от того положения, которое он занимал»⁶².*

Таким образом, отсутствие военного звания позволяло Баранту сохранять сдержанное достоинство и независимость при российском дворе, где обычаи низкопоклонства были распространенным явлением среди дипломатического корпуса.

Неофиты или эксперты?

В последние месяцы режима Реставрации, после того как были разоблачены злоупотребления nepotизма, специальная реформа от 25 апреля 1830 г. потребовала от дипломатических учеников

⁶⁰Депеша Мортье от 29/17 апреля 1832, СПб. АМАЕ. MD Russie. Vol. 36. F. 190.

⁶¹Джон Жорж Ламбтон, лорд Дюрхам (1792-1840), посол Англии с 1836 по 1838 гг.

⁶²Депеша Баранта от 1 августа 1836, СПб. // Souvenirs du baron de Barante... Т. 5. P. 447.

предварительного изучения публичного права. «Три славных дня», 27–28–29 июля 1830 г. («Trois Glorieuses»), помешали ее вступлению в действие, и вновь произошел отказ от конкурса при отборе на дипломатические посты. Дававшая некоторые навыки работы с донесениями и знание международных вопросов дипломатическая школа д'Отрива исчезла вместе со своим вдохновителем в июле 1830 г. Так что произвол, царивший при отборе дипломатических кадров в эпоху Июльской монархии, благоприятствовал знатным бонапартистским и либеральным семьям, а также крупной буржуазии. Впрочем, политические салоны и в этом вопросе играли немаловажную роль.

Для военного наблюдения могло показаться уместным, особенно если посол был гражданским лицом, назначить специалиста на такой ответственный пост, как столица Российской империи. Распоряжение от 2 марта 1833 г. об организации Королевского корпуса главного штаба постановило, что *«офицеры главного штаба могут быть отданы в распоряжение Министерства иностранных дел для прикрепления их к посольствам или использования для дипломатических поручений»*⁶³. Но в то время не существовало еще установившихся отношений между военным министерством и офицерами, прикомандированными к посольствам. В результате, эти преждевременные военные и военно-морские атташе оставались затерянными в массе дипломатического персонала⁶⁴. Так, в 1842 г. в Россию был назначен сын Огюста де Ла Ферронэ Шарль для сбора информации о российских военных силах и крепостях. Собрав необходимые сведения, он сумел отправить уже в феврале 1842 г. в Париж интереснейший рапорт о состоянии военно-морского флота на Балтике, его организации и моральном духе, о Кронштадте, его арсеналах и кадетских училищах⁶⁵.

От кандидатов на дипломатические должности при Июльской монархии, по-прежнему, не требовалось никакого доказательства знания истории и культуры страны назначения. Эдуар Мортье и Николя Жозеф Мезон, так же как и Казимир де Мортемар, принимали участие в походе Наполеона в Россию 1812 г. в составе Великой армии. В ходе этой

⁶³Histoire de l'administration française. Les affaires étrangères et le corps diplomatique français. 2 t. / Sous la direction de J. Baillou. Paris, 1984. T. 1. P. 589.

⁶⁴Должность военных атташе при посольствах появится только в эпоху Второй империи в 1860 г.

⁶⁵См.: Рапорт Шарля де Ла Ферронэ от 6 февраля 1842 г. СПб. АМАЕ. MD Russie. Vol. 43.

кампании Э. Мортье командовал пехотой Молодой гвардии, проявив воинскую доблесть в сражении при Красном⁶⁶, но в русской истории он оставил по себе недобрую память, прежде всего, как поджигатель Кремля. Назначенный военным губернатором Москвы после ее занятия французскими войсками, он при отступлении получил приказ Наполеона о минировании кремлевских стен, но, к счастью, успел взорвать лишь часть старинной цитадели. Н. Ж. Мезон командовал бригадой во втором корпусе маршала Удино, в задачи которого входила охрана коммуникаций Наполеона против армии Витгенштейна, и особенно отличился в августовском и октябрьском боях у Полоцка. Но всем троим, конечно, в то время было недосуг по-настоящему интересоваться страной, которую они должны были завоевать, не щадя собственной жизни.

Что же до владения русским языком, оно несколько распространилось среди дипломатического корпуса в 1830-е и 1840-е гг., благодаря моде. Император Николай I пытался вернуть российской цивилизации национальные корни, и двор ввел в моду русские костюмы и обычаи. Французские дипломаты были вынуждены волей-неволей следовать этой новой тенденции, и Проспер де Барант, прибыв в Санкт-Петербург без знания русского языка, приложил усилия к его изучению в течение своего пятилетнего пребывания в России. Барон д'Андре, секретарь его посольства, проведя в России более десяти лет, отличался очень хорошим знанием русского языка, читал газеты и свободно разговаривал.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. При всем значении «ветра фавора», нельзя, тем не менее, утверждать, что в 1814–1848 гг. назначение на дипломатическую службу осуществлялось совершенно произвольно. В период режимов Реставрации и Июльской монархии не существовало какого-либо единого критерия при отборе кандидатов на дипломатическую службу в Петербурге. Лишь кандидаты, сочетавшие в себе несколько достоинств, пользовавшиеся наибольшим рейтингом в министерстве, могли рассчитывать на заветную должность. Если следовать вышеупомянутой классификации Ла Ривальер де

⁶⁶См. свидетельство Филиппа де Сегюра, сына известного посла в России екатерининской эпохи Л.-Ф. де Сегюра, принимавшего участие в русском походе в качестве адъютанта Наполеона: *Ségur (comte de). La campagne de Russie. Mémoires du général comte de Ségur.* Paris, s.d. P. 308–325.

Фрауендорфа, Реставрация отдавала предпочтение куртизанам и офицерам, а Июльская монархия – офицерам и интеллектуалам. Действительно, если брать только глав посольства, О. де Ла Ферронэ следовал карьере куртизана до того, как рассорился с герцогом Беррийским, как и Ж. де Ноайль, бывший камергер Наполеона. К. де Мортемар был военным, так же как и Э. Мортье и Н. Ж. Мезон при Июльском режиме, на смену которым пришел литератор и академик П. де Барант. Причем, Июльская монархия придавала неизмеримо меньшее значение аристократическим корням своих представителей, нежели Реставрация.

Вопрос о целесообразности назначения в Россию посла, профессионального военного или обладавшего военным званием, как было показано выше, вызывал много споров при обоих режимах, особенно в эпоху Июльской монархии. В конечном счете, в 1835 г. было принято решение о назначении первого полностью невоенного посла П. де Баранта. В то же время никто не ставил под сомнение необходимость иметь в посольстве секретарей, смысливших в военном деле, в эпоху, когда должность военных атташе при дипломатических представительствах еще не была создана.

Отдавая предпочтение выходцам из старинного дворянства, режим Реставрации стремился использовать на службе своей дипломатии не только «чистых роялистов», эмигрантов, но и бывших служителей Первой империи, ценя их опыт в администрации. Эти лица, вне зависимости от того, служили ли они в императорской дипломатии или в префектурах, назначались, как правило, на должность первого секретаря посольства, требовавшую наибольшей компетентности от своего обладателя.

В 1814–1848 гг. от кандидатов на дипломатическую службу не требовалось представлять диплом об университетском образовании или сдавать какие-либо экзамены. И все же первый, второй и третий секретари санкт-петербургского посольства обладали некоторой подготовкой, практического характера, проведя несколько лет в министерских кабинетах или при архиве. Эта компетенция оказалась тем больше востребована, что из руководителей санкт-петербургского посольства в интересующую нас эпоху трое, а именно Ж. де Ноайль, К. де Мортемар и Э. Мортье, до своего назначения в Россию, не имели никакого опыта дипломатической службы. Достаточно было иметь связи во влиятельных сферах и обладать громким именем, аристократическим при Реставрации, прославленным на полях сражений или в императорской администрации при Июльской монархии для того, чтобы получить назначение послом в Санкт-Петербург. Личное

расположение и благоволение российского императора к той или иной кандидатуре также время от времени принималось во внимание. Но от секретарей и атташе, кроме указанных достоинств, требовались еще и дипломатический опыт, и сноровка, и знание международных досье, а также определенная юридическая подготовка.

ЛИТЕРАТУРА

История XIX века: В 8 т. / Под ред. Лависса и Рамбо. Пер. с фр. М.: ОГИЗ, 1938. Т. 3. С. 105–107.

Мильчина В. А. Посол Франции при дворе Николая I: военный или штатский? // *Мильчина В. А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. Сб. статей. СПб., 2004. С. 172–181.

Таньшина Н. П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии. М.: Прометей, 2005. 511 с.

Таньшина Н. П. Франсуа Гизо. Политическая биография. М.: МПГУ, 2016. 362 с.
Baryshnikov V. N., Adamova N. E., Goncharova T. N., Borisenko V. N., Kerautret M. Studies in modern French history at Saint-Petersburg State University // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2016. № 3. С. 162–169.

Bechu C. Les ambassadeurs français au XVIIIe siècle: formation et carrière // L'invention de la diplomatie. Recueil d'articles sous la direction de L. Bely. Paris: Presses universitaires de France, 1998. P. 331–346.

Contamine H. Diplomatie et diplomates sous la Restauration 1814–1830. Paris: Hachette, 1970.

Daudet E. Histoire de l'émigration pendant la révolution française. 3 t. Paris: Hachette, 1907. Т. 3. 540 p.

Dufraisse R. et Kerautret M. La France napoléonienne. Aspects extérieurs 1799–1815. Paris: Seuil, 1999. 352 p.

История де л'администрация французская. Les affaires étrangères et le corps diplomatique français. 2 vol. Sous la direction de J. Baillou. Paris: CNRS, 1984. Vol. 1 – 841 p. Vol. 2 – 1 018 p.

Meininger A. D'Hauterive et la formation des diplomates // Revue d'histoire diplomatique. 1975 (janvier–juin). P. 25–67.

Moreel L. Le maréchal Mortier, duc de Trévise (1768–1835). Paris: Éditions internationales, 1957.

Rosanvallon P. Le moment Guizot. Paris: Gallimard, 1985. 414 p.

Viel-Castel L. de. Histoire de la Restauration. 20 t. Paris: Hachette, 1865. T. 8. 652 p.

Voss J. L'école diplomatique de Strasbourg et son rôle dans l'Europe des lumières // *L'invention de la diplomatie*. Recueil d'articles sous la direction de L. Bely. Paris: Presses universitaires de France, 1998. P. 363–372.

REFERENCES

Baryshnikov V. N., Adamova N. E., Goncharova T. N., Borisenko V. N., Kerautret M. Studies in modern French history at Saint-Petersburg State University, in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Serija 2: *Istorija [Vestnik of Saint-Petersburg State University]*. 2016. № 3. P. 162–169. (In Russian)

Bechu C. Les ambassadeurs français au XVIIIe siècle: formation et carrière, in *L'invention de la diplomatie*. Recueil d'articles sous la direction de L. Bely. Paris: Presses universitaires de France, 1998. P. 331–346.

Contamine H. *Diplomatie et diplomates sous la Restauration 1814–1830*. Paris: Hachette, 1970.

Daudet E. *Histoire de l'émigration pendant la révolution française*. 3 t. Paris: Hachette, 1907. T. 3. 540 p.

Dufraisse R. et Kerautret M. *La France napoléonienne. Aspects extérieurs 1799–1815*. Paris: Seuil, 1999. 352 p.

Histoire de l'administration française. Les affaires étrangères et le corps diplomatique français. 2 vol. Sous la direction de J. Baillou. Paris: CNRS, 1984. Vol. 1 – 841 p. Vol. 2 – 1 018 p.

Istorija XIX veka: V 8 t. [19th century history]. Edited by Laviss i Rambo. Translated from French. Moscow: OGIZ 1938. T. 3. P. 105–107. (In Russian)

Meininger A. D'Hauterive et la formation des diplomates, in *Revue d'histoire diplomatique*. 1975 (janvier–juin). P. 25–67.

Mil'china V.A. Posol Francii pri dvore Nikolaja I: voennyj ili shtatskij?, in Mil'china V. A. *Rossija i Francija. Diplomaty. Literatnyj. Shpiony*. Sbornik statej. Saint-Petersburg, 2004. P. 172–181. (In Russian)

Moreel L. *Le maréchal Mortier, duc de Trévise (1768–1835)*. Paris: Éditions internationales, 1957.

Tan'shina N. P. *Politicheskaja bor'ba vo Francii po voprosam vneshnej politiki v gody l'jul'skoj monarhii [Political struggle in France on foreign policy issues]*. Moscow: Prometej, 2005. 511 p. (In Russian)

Tan'shina N. P. *Fransua Gizo. Politicheskaja biografija [François Guizot. Political biography]*. Moscow: MPGU, 2016. 362 p.

Rosanvallon P. *Le moment Guizot*. Paris: Gallimard, 1985. 414 p.

Viel-Castel L. de. *Histoire de la Restauration*. 20 t. Paris: Hachette, 1865. T. 8. 652 p.

Voss J. L'école diplomatique de Strasbourg et son rôle dans l'Europe des lumières, in *L'invention de la diplomatie*. Recueil d'articles sous la direction de L. Bely. Paris: Presses universitaires de France, 1998. P. 363–372.